18+

Зорин Яромир
Черный вереск

Яромир Зорин

Черный Вереск

«Издательские решения»

Зорин Я.

Черный Вереск / Я. Зорин — «Издательские решения»,

Сестры Лилиан и Ровена — единственные наследницы древнего рода, несущие на себе печать альбинизма. Их кожа бела, как первый снег, волосы — как паутина, а глаза, лишенные пигмента, видят то, что скрыто от обычных людей. Для жителей близлежащей деревни они — призраки, ожившие легенды, приносящие несчастье. Для себя самих — пленницы, запертые в стенах особняка строгой матерью, одержимой идеей «чистоты крови».

© Зорин Я.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Белая ночь 6
Часть первая Чистота крови 8
Глава 1 8
Дом, который не любит гостей 8
Глава 2 12
Человек, который принёс свет 12
Глава 3 17
То, что живёт в стенах 17
Глава 4 21
Деревня у чёрного леса 21
Глава 5 25
Библиотека мёртвых 25
Глава 6 31
Колыбельная для белых детей 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Черный Вереск

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0071-7062-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черный Вереск

Пролог

Белая ночь

В «Черном Вереске» снег ложился на крышу так тихо, будто боялся разбудить дом.

В ту ночь в поместье рожали.

Старая повитуха Агата приехала затемно, когда дорогу уже замело, а ворота стояли открытыми — будто кто-то ждал её.

Дом встретил её запахом воска, холодного железа и чего-то сладковатого, похожего на ладан. Служанка провела её через тёмный коридор, где на стенах висели портреты людей с лицами, белыми, как мел.

— Хозяйка в спальне, — прошептала служанка. — И… не спускайтесь в подвал. Что бы вы ни услышали.

Агата не стала спрашивать. За сорок лет она приняла столько детей, что научилась не задавать лишних вопросов в домах, где окна занавешены даже днём.

Хозяйка лежала на кровати, вытянувшись, словно покойница.

Её лицо было мокрым от пота, но глаза — сухими и слишком ясными. Когда Агата подошла, женщина схватила её за запястье. Пальцы оказались ледяными.

— Если услышишь, как она поёт, — сказала хозяйка, — не отвечай.

— Кто? — не поняла Агата.

Но женщина уже отвернулась к стене.

Роды начались под вой ветра. Дом скрипел, ставни хлопали, и где-то глубоко под полом, за толщей камня, что-то ритмично царапало дерево. Агата старалась не слушать. Она знала: в

старых домах всегда есть свои звуки. Особенно в таких, где белизна кожи считается проклятием, а тишина — единственной молитвой.

Когда родилась первая девочка, Агата не услышала крика.

Ребёнок выскользнул в её руки бесшумно, как снежный ком.

Кожа младенца была белой. Не бледной — белой, как кость, как первый снег, как простыня, которую забыли снять с зеркала.

— Господи, — выдохнула Агата.

Хозяйка приподнялась на локтях.

— Она? — спросила она. — Она жива?

— Девочка… — Агата запнулась. — Девочка родилась.

— Не она. Другая.

Агата не поняла. Но в этот момент родилась вторая. Та же белизна, те же тонкие волосы, похожие на паутину, те же глаза

— прозрачные, почти бесцветные, которые ещё не умели смотреть, но уже будто видели слишком много.

Двойня. Две девочки. Обе — как призраки, случайно принявшие человеческий облик.

И тогда из подвала донёсся шёпот.

Не скрип. Не вой ветра. Шёпот. Тихий, женский, протяжный. Он поднимался по лестнице, просачивался сквозь щели в полу, заполнял комнату, как вода трюм.

Агата замерла.

Хозяйка закрыла глаза.

— Заприте дверь, — сказала она. — Крепче. На все замки. И не открывайте, пока не взойдёт солнце.

— Какую дверь? — прошептала Агата.

Но служанка уже пятилась из комнаты, крестясь и повторяя одно и то же слово: «Нет, нет, нет».

Агата посмотрела на новорождённых. Одна из них — та, что родилась второй, — вдруг открыла глаза и улыбнулась. Беззубо, спокойно, будто услышала знакомый голос.

Шёпот в подвале стих.

Наступила тишина. Такая густая, что Агате показалось: она оглохла.

Хозяйка медленно села. Взяла первую девочку. Потом вторую.

Долго смотрела на них, и в её глазах не было ни радости, ни нежности — только холодный расчёт и страх.

— Лилиан, — сказала она наконец. — И Ровена.

Агата хотела спросить, что это значит. Почему она произнесла имена так, будто ставила клеймо. Но за окном, в белой круговерти метели, она вдруг увидела женский силуэт.

Женщина стояла неподвижно, в нескольких шагах от дома.

Платье на ней было белым. Волосы — белыми. Лицо — белым, как у мёртвой.

Женщина не смотрела в окно. Она смотрела вниз, на снег, и что-то шептала.

Агата отшатнулась.

— Там кто-то есть, — сказала она.

Хозяйка не обернулась.

— Это не «кто-то», — ответила она. — Это то, что мы держим за дверью.

Утром метель стихла. Солнце взошло, бледное и слабое.

Агата наконец решилась спуститься в подвал. Дверь была заперта на три замка. У порога лежал снег — хотя ни одно окно в подвале не открывалось.

На снегу отпечатались босые женские следы. Они вели из глубины коридора к двери. И обратно.

Агата больше никогда не приезжала в «Черный Вереск». Но до конца жизни она помнила ту ночь, когда в поместье родились две белые девочки, и женщину за окном, которая улыбалась им, как своим.

И иногда, в самые тихие зимние ночи, ей казалось, что она слышит шёпот.

Не из подвала.

Изнутри себя.

Часть первая Чистота крови

Глава 1

Дом, который не любит гостей

Ровена проснулась от того, что кто-то стоял у её кровати.

Она не слышала шагов — в «Черном Вереске» половицы скрипели только тогда, когда сами хотели. Но она чувствовала присутствие: холодное, плотное, как мокрое полотно. Открыла глаза.

Никого.

Только белый свет из окна — снег за стеклом, ранний, слишком ранний для октября. И тишина. Такая глубокая, что Ровене показалось, будто дом затаил дыхание.

Она села. Простыни прилипли к спине — ночная рубашка взмокла от пота. Снова этот сон. Женщина в белом. Она стояла в конце коридора, лицом к стене, и что-то шептала. Ровена не разбирала слов, но просыпалась с чувством, что её позвали по имени.

— Лилиан? — тихо позвала она.

Соседняя кровать была пуста. Простыни смяты, подушка отброшена к стене. Лилиан никогда не заправляла постель — говорила, что это бессмысленно, если всё равно придётся ложиться обратно. Но сегодня её не было вовсе.

Ровена встала, накинула халат — тяжёлый, из плотной шерсти, который мать заставляла носить даже летом, чтобы «не

смущать прислугу своей наготой». Босиком прошла к двери. В

коридоре пахло воском и лавандой. Мать приказывала жечь лаванду в каждом углу, будто верила, что запах может перебить что-то другое.

Что-то, что Ровена иногда чувствовала, но не могла назвать.

Лилиан нашлась в библиотеке. Она сидела на подоконнике, поджав колени к груди, и смотрела в окно. На ней была только ночная сорочка — тонкая, почти прозрачная, и Ровена

невольно поёжилась, представив, как мать отчитает её за

«неподобающий вид». Но мать спала. Или делала вид, что спит. — Ты слышала? — спросила Лилиан, не оборачиваясь.

— Что?

— Шёпот. Ночью. Он шёл снизу. Из-под пола.

Ровена подошла ближе. За окном снег ложился ровным слоем, скрывая следы, которые вчера оставил садовник. Деревья стояли чёрные, голые, как обгоревшие спички. Дальше — стена леса, за которой начиналась деревня. Деревня, которая их ненавидела.

— Это ветер, — сказала Ровена. — Старый дом. Ты сама знаешь.

— Ветер не произносит имён.

Ровена промолчала. Она тоже слышала. Но признаваться в этом означало признать, что сны — не сны. А она была не готова.

— Мать уже встала? — спросила она, меняя тему.

— Встала час назад. Велела подать чай в кабинет и не пускать тебя до полудня.

— Меня? Почему?

Лилиан наконец обернулась. У неё были глаза, которые в детстве казались Ровене двумя льдинками — прозрачные, почти бесцветные, с тонким ободком розового вокруг зрачка.

С возрастом они стали светлее, будто выцвели. Как и волосы — белые, тонкие, которые мать заплетала в тугие косы, чтобы «не распускались, как у девок из деревни».

— Потому что ты снова кричала во сне, — сказала Лилиан. — Она слышала. И теперь хочет знать, что тебе снилось.

Ровена опустилась на край стола. В библиотеке было холодно. Камин не топили — мать говорила, что дым разъедает книги.

Но Ровена подозревала, что дело в другом: мать не любила огонь. Он слишком напоминал о том, что может быть тепло.

— Я не помню, — соврала она.

Лилиан улыбнулась. Тонко, одними губами. Так она улыбалась, когда знала больше, чем хотела сказать.

— Помнишь. Ты всегда помнишь.

— —

В полдень Ровену вызвали в кабинет.

Мать сидела за столом, прямая, как надгробие. На ней было чёрное платье с высоким воротом, и казалось, что она

никогда не носила другого цвета. Волосы — седые, собранные

в строгий узел, — оттеняли лицо, бледное, но не такое, как у дочерей. Её белизна была другой: не проклятием, а дисциплиной. Кожа матери знала солнце — когда-то. Теперь она знала только тень.

— Садись, — сказала она, не поднимая глаз от бумаг.

Ровена села. Стул был жёсткий, с прямой спинкой. Мать не держала в доме мягкой мебели: говорила, что она портит осанку.

— Ты кричала ночью, — начала мать. — Три раза. Я слышала.

Прислуга слышала. Даже Лилиан слышала, хотя делает вид, что глуха, когда ей это выгодно.

— Мне приснился плохой сон, — сказала Ровена. — Только и всего.

— Что именно?

— Не помню.

Мать подняла глаза. Они были серые, как зимнее небо, и такими же непроницаемыми.

— Ты видела женщину, — сказала она. Не спросила — утвердила.

Ровена замерла.

— Я…

— Не лги мне. Ты видела её. В коридоре. У двери в подвал. Она стояла спиной, да? И шептала. А ты хотела подойти, но не могла — ноги не слушались. А потом она обернулась, и ты увидела её лицо.

Ровена вцепилась в подлокотники стула. Она не рассказывала этого никому. Даже Лилиан. Особенно Лилиан.

— Откуда вы знаете?

Мать отложила перо. Сложила руки на столе — длинные, сухие, с выступающими венами.

— Потому что мне снилось то же самое, когда я была в твоём возрасте. И моей матери. И её матери. Это не сон, Ровена. Это… — она замолчала, подбирая слово, — наследство.

— Что она шепчет? — прошептала Ровена.

Мать отвернулась к окну. За стеклом всё ещё падал снег.

— Она зовёт нас по имени.

— —

После разговора Ровена не пошла в свою комнату. Она спустилась по задней лестнице — той, что вела мимо кухни и кладовых, — и остановилась перед дверью в подвал.

Она видела эту дверь каждый день. Но сегодня та казалась другой. Массивная, из тёмного дуба, с тремя замками и тяжёлым железным засовом, она была вделана в стену так плотно, что не оставалось щелей. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины с внешней стороны. Только гладкое дерево и холод металла.

Мать запрещала подходить к ней. Строго. Под страхом смерти — так она сказала однажды, когда Лилиан была ещё ребёнком и попыталась потрогать засов. Ровена помнила тот день: мать схватила Лилиан за руку и оттащила так резко, что девочка

упала. А потом долго стояла над ней, дрожа, и в её глазах было что-то, чего Ровена никогда не видела прежде.

Страх.

Сейчас Ровена стояла перед дверью и слушала.

Тишина.

Но когда она уже собиралась уйти, из-под двери выполз тонкий белый дымок. Не дым — пар. Как от дыхания на морозе. Он поднялся, завился вокруг ног Ровены и растаял.

И тогда она услышала:

— Ро-ве-на.

Один слог. Два. Три. Её имя, произнесённое женским голосом, мягким, как снег, падающий на ладонь.

Ровена отшатнулась и побежала наверх. Она не помнила, как оказалась в своей комнате. Не помнила, как заперла дверь.

Помнила только, что когда Лилиан вошла — без стука, как всегда, — Ровена сидела на кровати, обхватив колени, и раскачивалась, как в детстве.

Лилиан ничего не спросила. Просто села рядом и взяла её за руку.

— Ты слышала, — сказала она. Не вопрос.

Ровена кивнула.

— Это не ветер, — сказала Лилиан.

— Нет.

— Это она.

— Кто?

Лилиан помолчала. За окном стемнело — слишком рано, как всегда бывает зимой. Снег перестал. В тишине дом скрипел, оседая, как старик, который устал жить.

— Та, кого мать держит в подвале, — ответила Лилиан. — И которая не хочет там оставаться.

Она сжала руку Ровены чуть крепче.

— Завтра приезжает врач, — добавила она. — Мать написала в город. Говорит, он будет лечить нашу «болезнь». Но я думаю, он едет не за этим.

— А за чем?

Лилиан посмотрела на неё. В её прозрачных глазах не было страха — только странная, почти жестокая решимость.

— За тем же, за чем пришла она. За правдой.

За окном, в сгущающихся сумерках, что-то мелькнуло. Белое на белом. Женский силуэт — там, у кромки леса. Стоит неподвижно и смотрит на дом.

Ровена задернула штору

Но даже сквозь плотную ткань она чувствовала этот взгляд.

И где-то глубоко под полом, за тремя замками, снова начал нарастать шёпот.

На этот раз он пел.

Глава 2

Человек, который принёс свет

Доктор Элиас Уорд прибыл в «Черный Вереск» ровно в полдень — по крайней мере, так ему казалось.

На самом деле часы в поместье отставали на семь минут. Он узнает об этом позже, когда Ровена, украдкой взглянув на его карманные часы, скажет: «У нас тут время идёт иначе. Мать говорит, что дом не любит спешить». Тогда он решит, что это милая провинциальная странность. Тогда он ещё ничего не поймёт.

Дорога от станции заняла почти два часа. Возница — молчаливый старик с лицом, похожим на печёное яблоко, — всю дорогу молчал, но когда они свернули на аллею, ведущую к поместью, вдруг придержал лошадь.

— Дальше я не поеду, — сказал он. — Вы уж сами.

— Но я заплатил до ворот.

— Вот и идите до ворот. А я поверну.

Старик развернул лошадь так резко, что сани занесло. Элиас успел выпрыгнуть, прежде чем возница хлестнул поводьями и умчался прочь, оставив его одного с саквояжем и чемоданом посреди белого поля.

Он постоял минуту, глядя вслед удаляющимся саням. Потом поправил шарф, поднял воротник пальто и пошёл вперёд.

«Черный Вереск» показался из-за деревьев внезапно, будто кто-то отдёрнул занавес. Три этажа, тёмный камень, узкие окна с частыми переплётами. Крыша — тяжёлая, с двумя трубами, из которых не шёл дым. Дом стоял на холме, и от него веяло холодом — не зимним, а каким-то другим, глубинным. Элиас, человек науки, привык доверять фактам, но здесь факты говорили одно, а ощущения — другое. Фасад был ухожен, дорожка расчищена, но что-то в этом доме казалось неправильным. Как будто он был нарисован на фоне зимы, а не стоял в ней.

У дверей его встретила служанка — бледная, испуганная женщина лет сорока, которая не назвала своего имени и не взяла его пальто, а только провела в холл и исчезла, шепнув напоследок:

— Хозяйка ждёт в кабинете. Не заставляйте её ждать.

Элиас огляделся. Холл был просторным, но каким-то сжатым — высокие потолки не создавали ощущения свободы, а давили сверху, как крышка гроба. На стенах висели портреты. Мужчины и женщины в старомодных одеждах, все — с бледными лицами и светлыми глазами. На некоторых краска потрескалась, на других — нет. Но было в них что-то общее, помимо крови: все они смотрели на зрителя так, будто знали что-то, чего зритель ещё не знал. И не собирались делиться.

Элиас прошёл мимо них, стараясь не встречаться взглядом с портретами. В конце холла, за поворотом, начинался коридор. Он вёл вниз — к лестнице, которая, судя по всему, спускалась в подвал. На верхней ступени лежал ковёр, но дальше — только камень, холодный и серый. И где-то там, внизу, виднелась дверь.

Тяжёлая. Дубовая. С тремя замками.

Элиас не успел рассмотреть её как следует — из кабинета вышла женщина.

— Доктор Уорд, — сказала она. Голос был ровным, без интонации. — Я — Аделаида Вереск. Благодарю, что согласились приехать.

Она была высокой, прямой, в чёрном платье с высоким воротом. Седая, с гладко зачёсанными волосами. Не старая — скорее измождённая временем, как будто каждый год её жизни весил вдвое больше, чем у других. На лице — ни тени улыбки.

— Миссис Вереск, — Элиас поклонился. — Рад знакомству. Ваше письмо было… — он подбирал слово, — подробным.

— Я написала всё, что считала нужным. Остальное узнаете сами. Идёмте.

Она развернулась и пошла обратно в кабинет. Элиас последовал за ней, отметив про себя, что она даже не поинтересовалась, как он добрался, и не предложила ему снять пальто.

Кабинет был обставлен скупо: стол, два стула, книжный шкаф с запертыми стеклянными дверцами. На столе — стопка бумаг, чернильница, и больше ничего. Ни фотографий, ни

безделушек. Только бумаги и пыль, которую служанка, видимо, боялась вытирать.

— Садитесь, — сказала миссис Вереск, занимая место за столом. — И слушайте внимательно. Я не привыкла повторять.

Элиас сел.

— У меня две дочери, — начала она. — Лилиан и Ровена.

Близнецы. Врачи, которых я вызывала ранее, ставили им разные диагнозы. Альбинизм. Астения. Нервное истощение. Все они ошибались.

— В чём именно?

— В том, что это только болезнь.

Миссис Вереск открыла ящик стола и достала папку. В ней были бумаги — старые, пожелтевшие, с печатями. Элиас взял одну.

— Это медицинская карта моей матери, — сказала она. — И её матери. И сестры её матери. Все они страдали тем же, что и мои дочери: белая кожа, светлые глаза, чувствительность к

солнцу. Но кроме этого… — она замолчала, подбирая слово, — кроме этого, у них были… особенности.

— Какие?

— Они видели. То, чего не видят другие. Сны, которые повторялись. Голоса, которые звали их по имени. Моя мать

умерла в сорок два. Официально — от истощения. На самом деле — она просто перестала спать. Боялась того, что ей снилось.

Элиас просмотрел бумаги. Сухие, клинические записи. «Пациентка жалуется на ночные видения. Галлюцинации слухового характера. Отказ от приёма пищи». Ничего

необычного — классическая картина душевного расстройства.

Но что-то в этих страницах было не так. Чернила. Они не выцвели. За сорок лет бумага пожелтела, а чернила остались чёрными, свежими, будто их написали вчера.

— Я вижу, вы заметили, — сказала миссис Вереск. — Да. В этом доме бумага стареет, а чернила — нет. Как и некоторые другие вещи. Это одна из причин, по которой я не держу здесь слуг дольше года. Люди начинают замечать.

— Что замечать?

— Что этот дом живёт по своим законам.

Элиас положил бумаги обратно на стол.

— Миссис Вереск, я — врач. Я лечу тела и умы. Всё, что вы описываете, можно объяснить с точки зрения науки:

генетическая предрасположенность, семейная история

психических заболеваний, влияние среды. Я готов осмотреть

ваших дочерей, поговорить с ними, назначить лечение. Но если вы ждёте от меня экзорцизма…

— Я не жду экзорцизма, — перебила она. — Я жду, что вы найдёте причину. Настоящую. А не ту, которую все предыдущие врачи записывали в карты, чтобы поскорее уехать.

Она встала.

— Пойдёмте. Я представлю вас дочерям.

— —

Лилиан и Ровена ждали в гостиной. Элиас сразу понял, кто из них кто, хотя миссис Вереск не представила их по именам.

Одна сидела у окна, выпрямившись, как струна, и смотрела на него в упор. Другая стояла у камина, спиной к двери, и делала вид, что рассматривает книги на полке. Но её пальцы, перебиравшие корешки, дрожали.

— Лилиан, — сказала миссис Вереск, указывая на ту, что у окна. — Ровена.

Та, что у камина, обернулась. У неё было лицо, которое Элиас видел только на старых портретах — бледное, почти

прозрачное, с глазами, которые не отражали свет, а поглощали его. Как будто внутри неё была пустота, которую ничем не заполнить.

— Доктор, — сказала Ровена. — Вы приехали, чтобы нас лечить?

— Я приехал, чтобы понять, — ответил он.

— Это одно и то же, — сказала Лилиан. — Мать вызывает врачей, чтобы они объяснили то, что не хотят объяснять сами.

А потом они уезжают и пишут в своих бумагах то, что от них ждут. Вы будете третьим.

— Четвёртым, — поправила Ровена. — Третьего мы сломали.

Она улыбнулась. Тонко, вежливо, и от этой улыбки у Элиаса по спине пробежал холодок. Он вдруг подумал: а что, если эти девочки не так беспомощны, как хочет показать их мать?

— Я не собираюсь ничего писать, пока не разберусь, — сказал он. — И я не боюсь сломаться. Я врач. Моя работа — слушать.

Ровена посмотрела на него внимательно. Долго. Потом перевела взгляд на мать.

— Он не такой, как остальные, — сказала она. — Этот останется.

Миссис Вереск поджала губы.

— Ровена, помолчи.

— Он останется, — повторила Ровена, и в её голосе не было ни радости, ни страха. Только констатация факта. — И тогда она придёт к нему. Она всегда приходит к тем, кто пытается понять.

— Кто «она»? — спросил Элиас.

Лилиан отошла от окна. В её глазах было что-то, что он не смог прочитать.

— Вы увидите её сами, — сказала она. — Когда будете готовы.

А пока… — она указала на кресло, — садитесь. Вы, наверное, замёрзли с дороги. Хотите чаю? У нас есть чай. Мать разрешает пить его только по праздникам, но сегодня, я думаю, можно.

Миссис Вереск ничего не сказала. Только отвернулась к окну, и Элиас заметил, как её плечи напряглись.

Он сел в кресло. Оно было холодным, как всё в этом доме.

Чай принесли через десять минут. Служанка поставила поднос на стол, но не ушла — стояла в дверях, комкая передник и глядя на доктора так, будто хотела что-то сказать.

— Что-то ещё, Мэйзи? — спросила Лилиан, не оборачиваясь.

— Нет, мисс. То есть… — служанка запнулась. — Собака. Ночью. Опять.

— Что «опять»? — спросил Элиас.

— Она не ест, — сказала служанка. — Уже третий день. Только сидит у двери в подвал и смотрит. И скулит. А сегодня утром…

— она сглотнула, — сегодня утром я нашла у неё седые волосы.

В миске с едой. Белые. Длинные. Как у барышень, только… — она бросила быстрый взгляд на сестёр, — только не их. Слишком длинные.

В комнате стало тихо. Даже чай в чашках перестал пахнуть.

— Можете идти, Мэйзи, — сказала миссис Вереск.

Служанка кивнула и выскользнула за дверь.

Элиас сделал глоток чая. Тот был крепким, почти горьким, и отдавал чем-то травяным — не то мятой, не то полынью.

— И часто у вас появляются… такие находки? — спросил он.

— Чаще, чем хотелось бы, — ответила Ровена. — Но мать говорит, что это не наше дело. И что мы должны молчать.

— А что ты думаешь?

Ровена посмотрела на него — прямо, без страха. В её глазах он вдруг увидел что-то, что заставило его сердце биться чаще. Не страх. Надежду. Как будто она ждала кого-то, кто задаст правильный вопрос. И он только что его задал.

— Я думаю, — тихо сказала она, — что та, кто живёт в подвале, хочет выйти. И что собака знает это лучше нас.

За окном снова пошёл снег. Белый, густой, он падал на чёрные ветки и крыши, и на секунду Элиасу показалось, что в белой круговерти мелькнул женский силуэт. Он моргнул, и силуэт исчез.

Но Лилиан, сидевшая напротив, вдруг улыбнулась — так, как улыбаются, когда узнают то, что давно ждали.

— Ну вот, — сказала она. — Она вас заметила.

Элиас поставил чашку на стол. Чай вдруг показался ему слишком горячим, а комната — слишком тесной.

— Кто «она»? — спросил он ещё раз.

И на этот раз миссис Вереск ответила — негромко, не оборачиваясь от окна:

— Наша кровь, доктор. Та, что мы слишком долго держали запертой.

Где-то в глубине дома глухо стукнула дверь. Три замка — один за другим — будто кто-то проверял, заперты ли они.

И все четверо в комнате одновременно посмотрели в сторону подвала.

Глава 3

То, что живёт в стенах

Первая ночь Элиаса в «Черном Вереске» началась с тишины.

Не той уютной тишины, что бывает в домах, где все давно спят и никто не ждёт беды. Эта тишина была плотной, как вода в глубоком колодце. Она заполняла комнату, вдавливала в постель, и Элиас лежал, глядя в потолок, слушая, как дом дышит.

Он не верил в призраков. Но он верил в то, что старые дома хранят память. В скрипах половиц, в запахе сырости, в том, как оседают стены, — во всём этом была история. И если эта

история была достаточно тёмной, она могла стать чем-то большим, чем просто прошлым.

Он повернулся на бок. Часы на каминной полке показывали половину второго. Он лёг в одиннадцать. Значит, прошло три с половиной часа, а сна не было ни минуты.

В коридоре что-то скрипнуло.

Элиас замер. Скрип повторился — тихий, осторожный, как будто кто-то шёл босиком по половицам, стараясь не шуметь. Шаги приблизились к его двери и остановились.

Он сел в постели.

— Кто там?

Ответа не было. Только дыхание — лёгкое, прерывистое, — с другой стороны двери. Женское.

Элиас отбросил одеяло и подошёл к двери. Приложил ладонь к холодному дереву.

— Лилиан? Ровена?

Тишина. Потом — шорох удаляющихся шагов. Он дёрнул дверь. Та открылась без скрипа — кто-то смазал петли, — и он вышел в коридор.

Тот был пуст. Только свеча в его комнате бросала жёлтый свет на стены, и в этом свете он увидел то, что заставило его остановиться.

На полу, у самой двери, лежал белый лепесток. Не снег, не бумага — лепесток. Свежий, чуть влажный, как будто его

только что сорвали с цветка. Элиас наклонился и поднял его.

Холодный. Пахнет лавандой и чем-то ещё — сладковатым, тягучим, как болотная вода.

В этом доме не было цветов. Он обратил внимание ещё днём:

ни ваз, ни горшков, ни сухих букетов. Мать не любила ничего живого, что могло бы умереть и оставить запах.

Он выпрямился. Коридор уходил в темноту — длинный, узкий, с рядами закрытых дверей. Где-то в конце, за поворотом, начиналась лестница в подвал. Он знал это, хотя не успел запомнить планировку. Знал каким-то другим чувством, которое не мог объяснить.

И оттуда, снизу, доносился звук.

Пение.

Тихое, протяжное, без слов. Женский голос выводил мелодию — простую, как колыбельная, но в ней была такая тоска, что у

Элиаса сжалось горло. Он стоял, не в силах двинуться, и слушал, как песня поднимается по лестнице, заполняет коридор, обвивает его, как шарф.

А потом голос произнёс:

— Элиас.

Он вздрогнул. Никто в этом доме не называл его по имени.

Миссис Вереск говорила «доктор Уорд», сёстры — «доктор», служанка вообще не обращалась к нему напрямую.

— Элиас, — повторил голос. — Ты пришёл.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Лепесток в его руке стал тёплым, как живая плоть.

— Кто вы? — спросил он.

Голос засмеялся. Тихо, мягко. Смех был не злым — скорее печальным.

— Я та, кого ты ищешь, — сказал он. — Та, кого они боятся. Та, кого ты должен найти.

— Я ничего не ищу, — сказал Элиас. — Я врач. Я приехал лечить.

— Лечить? — Голос стал ближе. Теперь он звучал так, будто женщина стояла за его плечом. — Или понять? Ты всегда хотел понять, Элиас. С самого детства. Помнишь?

Он замер. С детства. Он никогда никому не рассказывал о детстве. О том, как в семь лет видел женщину в белом у своей кровати. О том, как она улыбалась ему и говорила: «Ты вырастешь и найдёшь меня». Он забыл об этом. Заставил себя забыть.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я ждала тебя. Долго. Двадцать лет.

Лепесток в его руке вспыхнул холодом. Элиас разжал пальцы, и лепесток упал на пол — белый, невесомый, почти невидимый в полумраке.

— Что вам от меня нужно? — спросил он.

— Открой дверь, — сказал голос. — Дверь в подвале. Три замка. Ты найдёшь ключи. Один — у Аделаиды. Второй — у Ровены. Третий — у Лилиан. Собери их. И открой.

— Зачем?

— Чтобы я могла выйти. И чтобы ты увидел правду.

Элиас покачал головой. Он не верил. Не мог верить. Это сон.

Или внушение. Или что-то в чае. Он вернётся в комнату, запрётся, а утром забудет всё это как ночной кошмар.

— Ты не забудешь, — сказал голос, будто прочитав его мысли.

— Ты никогда не забываешь. Как и я.

Шаги. Теперь они удалялись — медленно, неспешно, в сторону подвала. Элиас хотел пойти за ними, но ноги не слушались. Он стоял в коридоре, один, сжимая кулаки, и слушал, как пение стихает, растворяясь в тишине.

А потом услышал ещё один звук.

Собака. Где-то внизу, у двери в подвал, она начала выть. Тихо, протяжно, как воют псы по покойнику.

— —

Утром Элиас спустился в столовую с твёрдым намерением поговорить с миссис Вереск. Но та уже сидела за столом, прямая, как всегда, и пила чай, глядя в окно.

— Доброе утро, доктор, — сказала она, не оборачиваясь. — Как спалось?

— Не спалось, — ответил он, садясь напротив.

— Неудивительно. Первая ночь в этом доме всегда тяжёлая.

Он посмотрел на неё. На её лице не было ни тени беспокойства. Только усталость — глубокая, старая, как сам дом.

— Кто живёт в подвале? — спросил он напрямую.

Миссис Вереск поставила чашку. Медленно, аккуратно.

Повернулась к нему.

— Вы видели её, — сказала она. Не спросила.

— Слышал. И говорил с ней.

— Она говорила с вами. Это другое.

— Она назвала меня по имени. Она знает обо мне то, чего не знает никто. Она сказала, что ждала меня двадцать лет.

Миссис Вереск закрыла глаза. На секунду её лицо потеряло всю свою жёсткость, и Элиас увидел под ним что-то другое — страх, такой глубокий, что он казался частью её костей.

— Тогда вы уже поняли, — сказала она. — Она выбрала вас.

— Для чего?

— Чтобы открыть дверь.

— Что за дверью?

Миссис Вереск открыла глаза. В них была пустота. Не холодная, как у Ровены, а выжженная. Как поле после пожара.

— Моя мать, — сказала она. — И её мать. И все женщины нашего рода, которые не смогли уйти. Они там. Они всегда были там. И они хотят, чтобы их выпустили.

Элиас откинулся на спинку стула. В столовой было тихо.

Служанка не пришла убирать со стола, и он вдруг понял, что она, скорее всего, стоит за дверью и слушает.

— Вы держите их там? — спросил он. — Своих родных?

— Я держу там то, что они стали, — ответила миссис Вереск. — То, что хочет выйти и забрать моих дочерей. То, что зовёт их по именам каждую ночь.

Она поднялась.

— Вы хотите лечить моих девочек, доктор. Так лечите.

Сделайте так, чтобы они не слышали этот зов. Сделайте так, чтобы они не открыли дверь. Потому что если они откроют её, — она помолчала, — то всё, что мы делали все эти годы, окажется напрасным.

Она вышла из комнаты.

Элиас сидел один, глядя на чашку с остывшим чаем. В голове у него было слишком много мыслей, и ни одна из них не складывалась в цельную картину.

Он достал из кармана лепесток. Тот всё ещё был белым, прохладным, но теперь — сухим. Как будто пролежал в кармане неделю.

Он положил его на стол.

И тут заметил, что в дверях стоит Ровена.

— Она говорила с вами, — сказала девушка. — Ночью.

Элиас кивнул.

— Что она сказала?

— Что она ждала меня. Что я должен найти три ключа. У вас, у Лилиан и у вашей матери.

Ровена вошла в комнату. Села напротив, положив руки на стол. У неё были длинные пальцы — белые, почти прозрачные на свету.

— У меня нет ключа, — сказала она. — Но я знаю, где он. Мать думает, что я не помню, но я помню. Она прячет его в своей спальне. В шкатулке, которую носит на шее.

— Почему ты мне это говоришь?

Ровена посмотрела на него. В её глазах не было страха. Только усталость — та же, что у матери, но моложе, острее.

— Потому что я слышу её каждую ночь, — сказала она. — И с каждым разом она говорит всё громче. И я боюсь, что однажды не смогу не ответить.

Она встала.

— Если вы найдёте ключи, — сказала она, — не открывайте дверь без меня. Я хочу увидеть её лицо. Я хочу знать, кто она.

Она вышла, оставив Элиаса одного с остывшим чаем и лепестком на столе.

За окном снова пошёл снег. И где-то в глубине дома, за тремя замками, кто-то тихо запел.

Глава 4

Деревня у чёрного леса

Элиас решил отправиться в деревню на следующее утро.

Он не сказал об этом ни миссис Вереск, ни сёстрам. Просто надел пальто, взял саквояж — для вида, будто собрался на

вызов, — и вышел через чёрный ход, который служанка Мэйзи оставила незапертым. Может, по забывчивости. А может, нарочно.

Тропа от поместья спускалась по склону холма, петляя между голыми деревьями. Снег здесь был глубже, чем в усадьбе, — никто не расчищал дорогу, и Элиасу приходилось идти,

высоко поднимая ноги. Воздух стоял неподвижно, как стекло.

Ни ветра, ни птиц. Только хруст его собственных шагов и где-то далеко, за лесом, глухой стук топора.

«Черный Вереск» остался позади, и Элиас впервые смог рассмотреть поместье со стороны. Оно возвышалось над

лесом, тёмное, тяжёлое, с двумя трубами, из которых так и не шёл дым. Дом казался вырезанным из той же породы, что и холм, — как будто его не построили, а вырастили из камня, и он всегда стоял здесь, ещё до того, как появились первые люди.

Лес вокруг был странным. Элиас не сразу понял, что его настораживает, а потом до него дошло: здесь не было ни одного следа. Ни заячьего, ни лисьего, ни птичьего. Снег

лежал нетронутый, ровный, как простыня. И деревья — чёрные, голые, — стояли слишком прямо, слишком неподвижно. Как будто ждали чего-то.

Он шёл почти час, прежде чем лес начал редеть. Впереди показались крыши — серые, покрытые снегом, с трубами, из которых поднимался дым. Деревня.

Она называлась Вересковый Брод — Элиас прочитал это на указателе у развилки. Название было старинным, как и всё

здесь. Дома стояли тесно, прижавшись друг к другу, будто искали защиты от леса. Улица была одна, мощёная

булыжником, и по ней бродили куры, не обращая внимания на холод. Где-то лаяла собака. Пахло дымом и хлебом.

Первым, кого он встретил, был старик, коловший дрова у крайнего дома. Увидев Элиаса, он опустил топор и

выпрямился. Лицо у него было морщинистое, обветренное, с глазами, которые, казалось, видели слишком много, чтобы чему-то удивляться.

— К нам гости, — сказал он. Не дружелюбно. Просто констатировал.

— Доброе утро, — Элиас постарался улыбнуться. — Я доктор Уорд. Приехал в «Черный Вереск». Лечить дочерей миссис Вереск.

Старик посмотрел на него долгим взглядом. Потом сплюнул в снег.

— Значит, ещё один, — сказал он. — Четвёртый.

— Третий был до меня?

— Третий был прошлой зимой. Уехал через неделю. Сказал, что дом проклят, а девочки — бесноватые. — Старик

усмехнулся. — Только он не так сказал. Он сказал: «Я не могу им помочь». А потом напился в трактире и всю ночь рассказывал, как они на него смотрели. Будто видели что-то за его спиной.

— А вы? — спросил Элиас. — Вы верите, что дом проклят?

Старик снова взялся за топор. Но не ударил. Просто стоял, держа его в руках, и смотрел куда-то в сторону леса.

— Я верю в то, что вижу, — сказал он. — А вижу я, что вот уже шесть поколений женщины из рода Вереск рожают детей белыми, как снег. И все эти дети слышат голоса. И все они умирают молодыми. Кроме тех, кто уезжает. А те, кто уезжает, — он помолчал, — те просто исчезают.

— Исчезают?

— Уходят в лес. И не возвращаются. — Он посмотрел на Элиаса.

— Вы бы лучше уехали, доктор. Пока можете. Здесь не любят чужаков. Особенно тех, кто задаёт вопросы.

Он отвернулся и снова взялся за топор. Разговор был окончен.

— —

Элиас прошёл дальше по улице. Деревня была маленькой — церковь, трактир, лавка, десятка два домов. Люди попадались навстречу, но никто не здоровался. Женщина с вёдрами у колодца посмотрела на него так, будто он был прокажённым.

Мальчишка, катавшийся на санках, остановился и уставился на него, открыв рот, пока мать не схватила его за руку и не утащила в дом.

Элиас свернул к церкви. Она стояла на краю деревни, у самой кромки леса — старая, каменная, с покосившейся колокольней. Дверь была открыта.

Внутри пахло ладаном и сыростью. Свет проникал через узкие окна, ложась на пол цветными пятнами. У алтаря стоял священник — молодой, худой, с усталым лицом. Услышав шаги, он обернулся.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Вы, должно быть, тот доктор, что остановился в усадьбе.

— Вы уже знаете?

— В Вересковом Броде все всё знают. — Священник подошёл ближе. — Я — отец Мэтью. Вы пришли спросить о Вересках?

— Да.

— Тогда пойдёмте. Здесь не место для таких разговоров.

Он провёл Элиаса в маленькую комнату за алтарём — свою келью. Там стояли стол, два стула и полка с книгами. На столе — чашка с остывшим чаем.

— Садитесь, — сказал отец Мэтью. — И слушайте.

Он сел напротив, сложив руки на коленях.

— Вы знаете, что в «Черном Вереске» живёт женщина, которая не выходит из дома? — начал священник. — Её зовут Аделаида

Вереск. Она унаследовала поместье от матери, а та — от своей матери. И так далее. Все они были одинаковыми: бледные, холодные, с глазами, которые не отражают свет. И все они рожали дочерей — только дочерей, никогда сыновей. И все эти дочери были такими же.

— Это может быть генетической особенностью, — сказал Элиас. — Альбинизм передаётся по наследству.

— Может быть, — согласился священник. — Но генетика не объясняет, почему все эти женщины слышат голоса. И почему они умирают в один и тот же день — в ночь на первое декабря. И почему их хоронят на отдельном кладбище, за церковью, где нет ни одного мужчины.

Элиас почувствовал, как холодок пробежал по спине.

— В ночь на первое декабря?

— Да. Уже двести лет. Каждая женщина из рода Вереск умирает в эту ночь. Все, кроме Аделаиды. Она должна была умереть двадцать лет назад. Но не умерла.

— Почему?

— Потому что заперла дверь, — сказал отец Мэтью. — Дверь в подвале. И держит её запертой с тех пор. А то, что за дверью, ждёт.

Элиас помолчал. В комнате было тихо. Где-то на улице лаяла собака.

— Что там? — спросил он наконец.

Священник покачал головой.

— Я не знаю. Никто не знает. Но моя бабушка рассказывала мне историю, которую ей рассказала её бабушка. О женщине по имени Изабелла Вереск. Она была первой, кто родился белой, как снег. И она первая услышала голос из подвала.

Голос сказал ей: «Я — твоя кровь. Я — твоя тень. Я — то, что ты оставила позади». Изабелла открыла дверь. И выпустила то, что там было. С тех пор её дух бродит по лесу и зовёт своих дочерей.

— Вы верите в это?

Отец Мэтью посмотрел на него. В его глазах была не вера, а что-то другое — знание.

— Я верю в то, что вижу, доктор. А вижу я, что каждую зиму в лесу появляются белые женщины. Они стоят у кромки

деревьев и смотрят на деревню. Никто не выходит к ним.

Никто не разговаривает с ними. Потому что те, кто выходит, — не возвращаются.

— —

Элиас вернулся в «Черный Вереск» к вечеру. Солнце уже село, и лес стоял чёрной стеной, за которой угадывались очертания холма и дома.

Он вошёл через ту же дверь, что и утром. В холле его ждала

Лилиан. Она сидела на подоконнике, свесив ноги, и играла с белым лепестком — таким же, как тот, что он нашёл в коридоре.

— Вы были в деревне, — сказала она. Не спросила.

— Да.

— Что вам рассказали?

— Что ваш род проклят. Что женщины умирают в ночь на первое декабря. Что в лесу живут белые призраки.

Лилиан улыбнулась. Тонко, как всегда.

— И вы поверили?

— Я поверил в то, что здесь происходит что-то странное. Но я не верю в проклятия. Я верю в причины.

— Тогда найдите причину, — сказала она. — Потому что мы устали бояться.

Она спрыгнула с подоконника и подошла к нему. Вблизи она была ещё более бледной, чем казалось днём. Кожа почти светилась в полумраке.

— Вы знаете, что первое декабря — послезавтра? — спросила она.

— Нет, — сказал Элиас.

— Теперь знаете. — Она вложила лепесток ему в руку. — Это вам. Чтобы вы не забыли.

Она ушла наверх. Элиас остался стоять в холле, глядя на лепесток. Тот был холодным и пах лавандой.

Где-то в глубине дома, за тремя замками, кто-то запел.

На этот раз песня была не колыбельной.

Это был вальс.

— —

В ту ночь Элиас не спал. Он сидел на кровати, записывая всё, что узнал: имена, даты, легенды. Бумага перед ним

покрывалась строчками, и он чувствовал, что подходит к

чему-то важному, к какой-то разгадке, которая пока ускользает.

За стеной, в коридоре, снова раздались шаги. Он не вышел.

Просто сидел и слушал, как они приближаются, как останавливаются у его двери, как дыхание — лёгкое, женское — касается дерева.

А потом голос, знакомый, мягкий, произнёс:

— Элиас. Ты узнал, кто я?

Он не ответил.

— Ты узнал, — сказал голос. — Но не всё. Приходи завтра. В библиотеку. Я покажу тебе то, что они от тебя скрывают. Шаги стихли. Пение в подвале оборвалось.

И в наступившей тишине Элиас услышал, как в соседней комнате — той, где спали сёстры, — кто-то плачет. Тихо, сдавленно, как плачут, когда не хотят, чтобы слышали.

Он узнал этот плач. Это была Ровена.

И где-то глубоко под полом, за тремя замками, кто-то тихо рассмеялся.

Глава 5

Библиотека мёртвых

Утром Элиас первым делом спустился в библиотеку.

Он ожидал, что она окажется запертой, но дверь была приоткрыта — ровно настолько, чтобы в щель проникала полоска серого света. Он толкнул её и вошёл.

Библиотека «Черного Вереска» занимала весь первый этаж западного крыла. Элиас не бывал здесь раньше — миссис

Вереск принимала его только в кабинете, — и теперь остановился на пороге, поражённый.

Стены от пола до потолка были закрыты стеллажами. Книги стояли вплотную, корешок к корешку, без единого просвета:

тяжёлые фолианты в кожаных переплётах, тонкие брошюры, подшивки газет, тетради, перевязанные бечёвкой. Пахло

пылью, старым клеем и воском — свечи здесь жгли часто, но

не убирали. На полу лежал ковёр, вытертый до основы. У окна стоял письменный стол, заваленный бумагами. Над камином висел портрет — женщина в белом платье, с распущенными светлыми волосами, с лицом, которое Элиас уже видел. В коридоре. Ночью.

Он подошёл ближе. Табличка на раме была покрыта пылью, но он стёр её рукавом. «Изабелла Вереск. 1798—1840».

Первая. Та, что открыла дверь.

Он снял портрет с крюка и положил на стол. За ним, в стене, обнаружилась ниша — маленькая, выдолбленная в камне. В ней лежала книга. Тонкая, в потёртом переплёте, без названия на обложке.

Элиас открыл её. Это был дневник. Почерк — мелкий, аккуратный, женский. Первая страница была датирована 1815 годом.

«Меня зовут Изабелла Вереск. Мне двадцать два года. И я слышу голос из подвала уже три года. Мать говорит, что это

моё воображение. Но я знаю: это она. Та, что была до меня. Та, что не умерла, а осталась в стенах. Она зовёт меня по имени.

Она хочет, чтобы я открыла дверь. И я открою. Потому что она обещала рассказать мне правду о нашем роде. О том, почему

мы белые, как снег. О том, почему мужчины в нашей семье не живут долго. О том, что скрыто за дверью».

Элиас перевернул страницу. Дальше записи были отрывочными, сбивчивыми, как будто Изабелла писала в спешке.

«22 ноября 1815. Я нашла ключ. Он был у матери под подушкой. Она даже не заметила, что я его взяла. Она вообще перестала замечать что-либо. С тех пор как отец умер, она сидит у окна и смотрит на лес. Иногда я слышу, как она разговаривает с кем-то. Но в комнате никого нет».

«25 ноября. Сегодня я слышала голос из-за двери. Он сказал:

«Скоро». Я спросила: «Что скоро?» Он ответил: «Всё». Я не поняла. Но сердце у меня забилось так, что я испугалась».

«30 ноября. Завтра. Завтра я открою дверь. Я не боюсь. Она сказала, что не причинит мне зла. Она сказала, что мы — одно целое. Что она — это я, а я — это она. Я не понимаю, что это значит. Но я хочу понять».

«1 декабря. Я открыла дверь».

Запись обрывалась. Следующая страница была пустой. Элиас перелистнул ещё несколько — и наткнулся на запись,

сделанную другим почерком. Более твёрдым, злым.

«Она вернулась из подвала. Но это была не она. Это была та, другая. Она ходила по дому и улыбалась. Она говорила

голосом Изабеллы, но слова были чужие. Через три дня она ушла в лес. Я не пошла за ней. Я заперла дверь и поклялась, что никто из моих дочерей не откроет её снова».

Элиас закрыл дневник. В горле пересохло. Он посмотрел на портрет. На лице Изабеллы не было ни страха, ни печали. Только спокойствие — такое глубокое, что оно казалось неестественным.

— Вы нашли её дневник.

Он обернулся. В дверях стояла Лилиан. На ней было тёмное платье, волосы заплетены в косу, и впервые он заметил, что она выглядит старше своих лет — не из-за морщин, а из-за усталости в глазах.

— Ты знала о нём?

— Все знают. Мать думает, что спрятала его хорошо. Но она забывает, что у нас тоже есть глаза. — Лилиан подошла к столу и взяла дневник. Пролистала, не глядя. — Изабелла была

первой, кто открыл дверь. Мать рассказывала нам эту историю в детстве. Как страшную сказку. Но она никогда не говорила, что случилось после.

— А что случилось?

Лилиан положила дневник обратно.

— Изабелла ушла в лес. Через неделю её нашли — в снегу, босую, в одной рубашке. Она была жива, но не узнавала

никого. Говорила только одно слово: «Тень». Её привезли

домой. Она прожила ещё двадцать два года. Не старела. Не болела. Просто сидела у окна и смотрела на лес. А потом, в ночь на первое декабря, она встала, вышла из дома и не вернулась. Её искали. Не нашли.

— А что стало с той, что вышла из подвала?

Лилиан покачала головой.

— Никто не знает. Одни говорят, что она ушла в лес вместе с Изабеллой. Другие — что она до сих пор там. В лесу. Ждёт.

— Ждёт чего?

— Следующую.

В библиотеке стало тихо. Элиас слышал, как бьётся его собственное сердце — громко, часто, как у загнанного зверя.

— Мать держит ключ при себе, — сказала Лилиан. — Я видела его один раз. В шкатулке на шее. Она не снимает её даже ночью. Но это не единственный ключ.

— Ты сказала «три ключа». Где остальные?

Лилиан помолчала. Потом подошла к камину и нажала на кирпич в кладке. Тот подался, и в стене открылась ещё одна ниша — глубже первой. В ней лежала маленькая серебряная цепочка с плоским ключом.

— Это мой, — сказала она. — Мать не знает, что я его нашла.

Он был спрятан в комнате бабушки, за картиной. Я нашла его случайно, когда искала… — она запнулась, — когда искала что-нибудь, что объяснит, почему мы такие.

— Ты знаешь, от чего этот ключ?

— От второго замка. А третий ключ — у Ровены. Она ещё не знает, но он у неё. Мать отдала его ей год назад. Сказала:

«Спрячь и не спрашивай». Ровена спрятала. Но не спрашивать не смогла.

Элиас посмотрел на ключ в руке Лилиан.

— Зачем ты мне это показываешь?

Она подняла на него глаза. В них не было ни страха, ни сомнения — только странная, почти отчаянная решимость.

— Потому что послезавтра первое декабря. И если мы не откроем дверь сами, она откроется без нас. — Она сжала ключ в кулаке. — Мать думает, что может держать её вечно. Но она стареет. И однажды не сможет встать ночью, чтобы проверить замки. А когда это случится…

Она не договорила. Элиас и так понял.

— Почему ты не боишься? — спросил он.

— Боюсь, — сказала Лилиан. — Ещё как боюсь. Но я устала жить в страхе. И Ровена устала. Мы хотим знать правду. Даже если она нас убьёт.

— —

В коридоре послышались шаги. Тяжёлые, размеренные.

Миссис Вереск.

Лилиан быстро спрятала ключ за корсаж и отступила от камина. Элиас едва успел отойти к столу, когда дверь открылась.

Миссис Вереск стояла на пороге. Она была в чёрном, как всегда, и в её глазах горел холодный огонь.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Изучаю историю семьи, — ответил Элиас. — Разве не для этого вы меня наняли?

— Я наняла вас лечить моих дочерей, а не копаться в прошлом.

— Ваши дочери здоровы, миссис Вереск. Физически. То, что с ними происходит, — не болезнь. И вы это знаете.

Миссис Вереск поджала губы. На секунду её лицо дрогнуло — как лёд, под которым вода.

— Вы ничего не понимаете, — сказала она. — Вы думаете, что знаете правду, потому что прочитали дневник безумной

женщины? Изабелла была больна. Все они были больны. Это проклятие, которое передаётся по женской линии, и я пытаюсь его остановить.

— Запирая дверь? — спросил Элиас. — И держа в подвале то, что не хотите выпускать?

— Я держу там не «что-то», — сказала миссис Вереск. — Я держу там свою мать. И бабушку. И всех женщин нашего рода,

которые не смогли уйти. Они там. И они хотят выйти. И если они выйдут, они заберут моих дочерей. Она шагнула вперёд. Элиас не отступил.

— Вы когда-нибудь разговаривали с ними? — спросил он. — С теми, кто там?

— Я слушала их всю жизнь. Я знаю их голоса лучше, чем свой. — А они знают вас?

Миссис Вереск остановилась. В её глазах что-то мелькнуло — не страх, а что-то более глубокое. Боль.

— Они зовут меня по имени, — сказала она. — Каждую ночь.

Они говорят: «Аделаида, открой нам. Мы устали. Мы хотим увидеть солнце». — Она помолчала. — Моя мать говорила это же. И её мать. И все они.

— И вы не открываете.

— Я не могу.

— Почему?

Миссис Вереск посмотрела на него. Долго. В её взгляде была такая усталость, что Элиасу стало не по себе.

— Потому что если я открою, — сказала она, — то узнаю, что все эти годы я держала за дверью не своих родных. А то, что их убило.

Она развернулась и вышла. Дверь осталась открытой.

Лилиан выдохнула — тихо, с облегчением.

— Она знает, — сказала она. — Она всегда знала.

— Что знает?

— Что за дверью не просто призраки. Что там что-то другое. —

Лилиан посмотрела на него. — И она боится не за нас. Она боится за себя. Потому что если она откроет дверь и увидит правду, то поймёт, что всю жизнь была не жертвой, а тюремщиком.

— —

Элиас провёл в библиотеке весь день. Он читал дневник

Изабеллы — от корки до корки, — и ещё несколько тетрадей, которые нашёл в нише. Записи её дочери, внучки, правнучки. Все они слышали голоса. Все они боялись. И все они умирали в ночь на первое декабря.

К вечеру он нашёл то, что искал.

В самом низу стеллажа, за книгами по анатомии, лежала тонкая папка. В ней — вырезки из старых газет. Одна из них, пожелтевшая, но с чёткими буквами, была датирована 1840 годом.

«В ночь на 1 декабря в поместье «Черный Вереск» скончалась

Изабелла Вереск, вдова. Причина смерти не установлена. Тело не было найдено. Слуги утверждают, что слышали в ночь её

смерти женское пение, доносившееся из подвала. Дом заперт. Владелица — дочь покойной, Элеонора Вереск».

Элиас перечитал заметку дважды. Потом достал из кармана лепесток — тот самый, что нашёл в первую ночь. Он всё ещё

был белым. Но теперь, при свете свечи, Элиас заметил на нём тонкие прожилки. Как у живого цветка.

Он поднёс лепесток к пламени. Тот не загорелся. Только стал тёплым.

— Это не лепесток, — сказал он вслух.

— Нет, — раздался голос от двери.

Он обернулся. В библиотеке стояла Ровена. Она была бледнее обычного, и под глазами залегли тёмные тени. Но взгляд был ясным.

— Это не лепесток, — повторила она. — Это её кожа. Она сбрасывает её, как змея. Каждую ночь. И оставляет в доме, чтобы мы знали: она рядом.

Элиас посмотрел на лепесток. Тот лежал у него на ладони — белый, прохладный, живой.

— Ровена, — сказал он. — Где твой ключ?

Она помолчала. Потом достала из кармана маленький ключ на цепочке.

— Вот.

— Ты знаешь, что он открывает?

— Да. — Она подняла глаза. — И я знаю, что мы должны сделать. Послезавтра. В ночь на первое декабря. Мы должны открыть дверь. Все вместе. Ты, я, Лилиан и мать.

— Твоя мать не согласится.

— Согласится, — сказала Ровена. — Потому что если мы не откроем её сами, она откроется без нас. И тогда будет хуже.

Она положила ключ на стол рядом с лепестком.

— Я слышала её сегодня, — сказала она. — Она пела. И в песне были слова. Она пела: «Приходите. Я устала ждать. Я хочу увидеть ваши лица».

Элиас посмотрел на ключ. На лепесток. На портрет Изабеллы на стене.

— Хорошо, — сказал он. — Но сначала я хочу поговорить с твоей матерью. И я хочу, чтобы она сказала мне правду. Всю правду.

Ровена кивнула.

— Тогда пойдёмте. Она в кабинете. И она ждёт.

— Ждёт?

— Да. Она знает, что вы нашли дневник. И она знает, что вы не уедете. Она ждёт, чтобы рассказать вам то, что не рассказала мне.

Ровена повернулась и вышла.

Элиас взял ключ и лепесток. И пошёл за ней.

— —

В кабинете миссис Вереск сидела за столом, и перед ней лежала шкатулка — та самая, на цепочке. Открытая.

В ней было пусто.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказала она, не поднимая глаз.

— И я знаю, что вы нашли. — Она подняла голову. В её глазах не было ни страха, ни злости. Только пустота. — Садитесь. Я расскажу вам всё. Но после этого вы должны решить:

останетесь вы или уедете. И если останетесь, то назад пути не будет.

Элиас сел.

— Я слушаю.

Миссис Вереск закрыла шкатулку. Щёлкнул замок.

— Тогда слушайте, — сказала она. — Всё началось не с

Изабеллы. Всё началось гораздо раньше. С женщины, которую звали Анна. И с того, что она нашла в лесу.

За окном снова пошёл снег. Где-то в глубине дома, за тремя замками, кто-то тихо запел.

На этот раз песня была колыбельной.

Глава 6

Колыбельная для белых детей

Миссис Вереск говорила долго. Голос у неё был ровным, почти безжизненным, как будто она читала давно заученный текст.

Элиас слушал, не перебивая. За окном снег шёл сплошной стеной, и комната казалась островом в белом море.

— Анна Вереск была первой, — начала она. — Не Изабелла.

Изабелла была её правнучкой. Анна жила здесь в конце семнадцатого века, когда поместье только строилось. Она

была обычной женщиной. Не белой. Не бледной. С румянцем

на щеках и тёмными волосами. Она вышла замуж за человека, которого не любила, и родила ему трёх сыновей. А потом, в одну из зим, ушла в лес и не вернулась.

Миссис Вереск помолчала. Потом открыла ящик стола и достала старую тетрадь — такую же, как дневник Изабеллы, только более потрёпанную.

— Это её записи. Они чудом сохранились. Прочитайте последнюю страницу.

Элиас взял тетрадь. Почерк был неровным, буквы прыгали, как будто рука писавшего дрожала.

«Я нашла её в лесу. Она сидела под сосной, голая, вся белая, и пела. Я спросила, кто она. Она сказала: «Я — та, кого ты

потеряла». Я не поняла. Я никогда ничего не теряла. Но когда она запела снова, я вспомнила. Я вспомнила свою мать,

которая умерла, когда мне было шесть. Я вспомнила своего

брата, который утонул в пруду. Я вспомнила всех, кого любила и потеряла. И она сказала: «Я могу вернуть их. Но ты должна

отдать мне то, что у тебя есть». Я спросила: «Что?» Она сказала:

«Твою кровь. Твою белизну. Твоих детей». Я согласилась. Я не думала. Я просто хотела, чтобы кто-то остался со мной. Она пошла за мной. Она живёт в подвале. Она поёт мне по ночам. И я не могу её прогнать».

Элиас закрыл тетрадь. В горле у него пересохло.

— Что это было? — спросил он.

— Мы не знаем, — ответила миссис Вереск. — Но оно до сих пор там. Оно не стареет. Оно не умирает. Оно ждёт. И оно поёт. — Колыбельную?

— Да. Одну и ту же. С самого начала. Анна записала её слова. Я знаю их наизусть.

Она помолчала. Потом заговорила — тихо, нараспев, как говорят с ребёнком, которого хотят убаюкать:

— Спи, моя белая, спи, моя крошка, Тень под кроватью — твоя же ладошка. Кровь на снегу — как малиновый сок, Спи, моя детка, пока не истёк.

Глазки закрой, я спою тебе песню, Сердце замри, станет тихо-тихо-тихо.

Тот, кто родился белее луны,

Выйдет из дома — и не вернётся с войны.

Спи, моя белая, спи, моя нежность, В подвале темно, но там есть моя нежность.

Я подожду, я умею ждать,

Я научу тебя — как умирать.

Элиас слушал, и холод пробирал его до костей. Не от слов — от того, как она их произносила. Без эмоций. Как молитву. Как приговор.

— Эту песню поют в подвале каждую ночь? — спросил он.

— Не каждую. Только когда она хочет кого-то позвать. Когда она голодна.

— Голодна? Она ест?

Миссис Вереск посмотрела на него. В её глазах было что-то, чего он не видел раньше, — страх, смешанный с отвращением.

— Она ест нашу кровь. Не физически. Она пьёт нашу жизнь.

Нашу белизну. Чем больше белых детей в роду, тем она сильнее. Анна отдала ей свою кровь. И с тех пор все женщины нашего рода рожают только белых девочек. Она высасывает из них цвет. А когда девочка вырастает, она забирает её себе. В ночь на первое декабря.

— Изабелла ушла в лес, — сказал Элиас. — Но её тело не нашли.

— Потому что она не умерла. Она стала частью леса. Одной из тех белых женщин, что стоят у кромки деревьев. Она до сих пор там. И она до сих пор поёт эту колыбельную.

Элиас вспомнил слова священника: «каждую зиму в лесу появляются белые женщины».

— Значит, все они там, — сказал он. — Все, кто уходил.

— Да. И они ждут. Когда в роду рождается новая белая девочка, они чувствуют это. Они приходят к дому и поют. Они зовут её к себе. И если она выйдет — она станет одной из них.

— А если не выйдет?

— Тогда она умрёт. Как моя мать. Как бабушка. Они не выходили. Они умирали в своих постелях, в ночь на первое декабря, и их тела находили утром — белые, холодные, с открытыми глазами. И на лице у них было такое выражение, будто они увидели что-то, чего не должны были видеть.

Миссис Вереск замолчала.

— Я не хотела такой судьбы для своих дочерей, — сказала она наконец. — Поэтому я заперла дверь. Я думала, что если она не сможет выйти, то и звать не сможет. Но я ошибалась. Она зовёт и через дверь. И с каждым годом её голос становится громче.

Элиас встал. Подошёл к окну. Снег всё ещё шёл, и в белой круговерти ему снова показалось, что он видит женский

силуэт. На этот раз — не один. Три. Пять. Десять. Они стояли у кромки леса, неподвижные, как деревья. И смотрели на дом.

— Они уже здесь, — сказал он.

Миссис Вереск подошла к нему. Посмотрела в окно. И медленно кивнула.

— Они всегда приходят за три дня до первого декабря. Чтобы успеть спеть колыбельную. Чтобы девочки запомнили слова.

Элиас повернулся к ней.

— Вы знаете, что нужно делать?

— Нет.

— А если открыть дверь и вытащить её оттуда? Если убить её?

Миссис Вереск покачала головой.

— Её нельзя убить. Она не живая. Она — то, что осталось от

Анны. Её тень. Её кровь. Её белизна. Она — часть нашего рода. И пока в нашем роду есть белые девочки, она будет жить.

— Тогда что? Смириться? Позволить ей забрать Лилиан и Ровену?

Миссис Вереск посмотрела на него. Долго. В её глазах боролись страх и что-то другое — может быть, надежда.

— Вы читали дневник Изабеллы, — сказала она. — Вы знаете, что она открыла дверь. И что случилось потом.

— Она ушла в лес.

— Да. Но перед этим она кое-что сделала. Она нарисовала знак. На полу в подвале. Кровью. Мы не знаем, что он значит.

Но после этого она прожила ещё двадцать два года. Не старея. Не болея. Она не умерла в ночь на первое декабря. Она ушла сама.

Элиас нахмурился.

— Вы думаете, знак может помочь?

— Я думаю, что Изабелла нашла способ договориться с ней. Или обмануть её. И я думаю, что если мы найдём этот знак, мы сможем сделать то же самое.

— Где он?

— В подвале. На полу. Под слоем краски. Его закрасили, но он до сих пор там. Я видела его однажды, в детстве, когда мать забыла запереть дверь. Я спустилась вниз и увидела его. Он был красный. И он двигался.

— —

В коридоре послышались шаги. Лёгкие, быстрые. В кабинет вбежала Лилиан. Она была бледнее обычного, и в руке держала что-то белое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.